

— Я последний раз спрашиваю, почему Людовик XIV заключил своего министра Фуке в тюрьму? — вопрос учительницы был обращен ко мне и звучал угрожающе, а ее физиономия становилась все больше похожей на бифштекс.

Кто-то из девочек хотел было подсказать, но учительница мгновенно пресекла попытку, ударив кулаком по столу. Немного подумав, я ответил, что, наверное, он, этот самый Фуке, плохо себя вел или, может быть, съел суп Людовика. После этих слов лицо учительницы окончательно превратилось в бифштекс, и, указывая рукой на дверь, она проорала: «Вон из класса!»

В классе раздался хохот. Причина столь бурной реакции была понятна. Учительнице почему-то показалось, будто я издеваюсь над историей. Что ж, мне ничего не оставалось, как выйти в сопровождении ее громких негодующих возгласов, смысл которых заключался в том, что положительную оценку я смогу получить только через ее труп.

А я вообще-то всегда думал, что до тех пор, пока человек жив, положительный знак «плюс» присутствует во всем, что его сопровождает. И даже в смерти есть свой положительный смысл. Согласитесь, кресты на могилах гипотетически тоже можно принять за знаки «плюс».

В тот весенний день я видел свою бабушку в последний раз.

Благодаря всему случившемуся в школе, благодаря истории и, наконец, благодаря учительнице, выгнавшей меня из класса, я оказался дома на час раньше. Это был для меня тоже своего рода плюс. И, кстати, насчет истории. Позже я все-таки узнал, что заточение Фуке в тюрьму произошло из-за банальной зависти Людовика XIV к его богатству и великолепному апельсиновому саду. Избавившись таким своеобразным способом от хозяина сада, король приказал перевезти желанные апельсиновые деревья к себе в Версаль.

День выдался теплый, но ветреный. Я поднялся по лестнице, открыл дверь своим ключом и вошел в дом. Мамы дома не было. Видимо, пошла в аптеку за лекарством. Бабушка лежала на кровати. Услышав мои шаги, она тихонько позвала меня и сказала: «Миленький мой, как хорошо, что ты сегодня так рано вернулся из школы! Подойди ко мне, я расскажу тебе, где я спрятала свои драгоценности». И, хитро подмигнув мне, улыбнулась. Я обожал свою бабушку. Она была необычная, особенная. Умела шутить, даже когда ей было плохо. Согласитесь, не все умеют веселиться в трудном положении.

Я подсел к бабушке на кровать и рассказал обо всем, что произошло за день. Она, как всегда, с

ласковым выражением лица слушала меня, но порой мне казалось, что она думает о чем-то своем. И действительно, бабушка вдруг сказала:

– Миленький мой, знаешь, чего я хочу?

– Чего, бабуля? – удивленно спросил я.

– Мне хочется выйти замуж, – ответила она и улыбнулась.

– А кто тебя возьмет в жены, бабуль? Тебе же 80 лет. Не хочу тебя огорчать, но твой поезд давно ушел.

Я принял ее желание за очередную шутку и уже хотел встать, но она, взяв меня за руку, сказала:

– А еще мне очень хочется апельсинов. Миленький, купи мне апельсин.

Я понял, что это было сказано не в шутку и ей действительно захотелось апельсина. Бабушка словно просила меня исполнить ее последнее желание. Ведь не зря говорят, что часто перед смертью человеку очень сильно чего-нибудь хочется.

Я сунул руку в карман и быстро пересчитал мелочь.

– Ладно, бабуль, сейчас я сбегаю и куплю тебе апельсин, – сказал я, надевая кепку. Выйдя на улицу, я сел в трамвай. Все мысли были только об одном: хватит ли у меня денег хотя бы на один апельсин.

На нужной остановке я вышел из трамвая и направился к фруктовой лавке. Продавец был толстый и лысый. Он угрюмо уставился на меня. «Как инквизитор», – почему-то подумал я. Мне даже представилось, как его предки сжигают на костре Джордано Бруно. Вот только его лысая голова выглядела беззащитной и напоминала большой подсолнух. А эти огромные цве-

ты всегда казались мне какими-то особенными, трогательно-несуразными, немного не от сего мира. Может быть потому, что их любил рисовать Ван Гог, которого давно уже с этим миром ничего не связывает. Правда, этот «подсолнух» был явно другим, отнюдь не ван-гоговским. Выждав минуту, он спросил так же угрюмо, как и смотрел:

– Ну, что тебе надо?

Я, указывая на витрину, сказал, что хочу купить апельсин. Затем вытащил из кармана монеты и высыпал их на железные весы. Торговец ухмыльнулся. Так, что мне показалось, будто посередине улицы разожгли большой костер, а я – последняя жертва инквизиции. Наконец он хриплым голосом проговорил:

– Что это? Неужели ты думаешь, что на эту мелочь можно купить апельсин? Да у тебя тут не хватит даже на его половину! А знаешь ли ты, сколько в апельсине витаминов? Ты представляешь себе, что это значит – съесть солнце? Ты можешь себе вообразить, что происходит с каждой клеткой твоего организма, когда сок апельсина попадает вовнутрь?

Я буркнул, что точно не уверен, но где-то читал, что в одном апельсине содержится шестьдесят восемь процентов витамина С. Дневная норма для взрослого человека – 60 мг. В одном апельсине содержится примерно столько же.

– Там есть еще и сахар. А ты знаешь, сколько нынче стоит килограмм сахара? – продолжал меня пытать продавец-инквизитор.

Я сказал, что сахар мне не нужен, а нужен апельсин. И покупаю я его не для себя, а для бабушки, которая сейчас очень больна.

Он призадумался. Было очень похоже, что он собирается продать мне апельсин. Но вдруг в лавку вошли две женщины-толстушки и стали покупать фрукты.

Ах, если бы они заглянули туда чуть позже! Тогда бы мне повезло с апельсином. Но не все в жизни происходит так, как нам хотелось бы. Тетки своим приходом все испортили, и «инквизитор» проворчал: «Выйди отсюда, не мешай мне работать». Еще бы, они заполнили собой весь магазин, и для меня там места уже не было.

Я вышел на улицу. Как назло, поблизости больше не было ни одной фруктовой лавки. Я отчаянно озирался по сторонам. Тем временем толстушки тоже вышли из магазина и сели в трамвай. Я стоял неподалеку, уже ни на что не надеясь, как вдруг услышал голос лавочника:

— Шестьдесят восемь процентов, говоришь?

Я кивнул. Он позвал меня в магазин и там, разрезав ярко-оранжевый шарик пополам, сказал:

— На твои копейки я могу тебе дать только половину апельсина. На, носи ее своей бабушке.

Сказав это, он положил монетки, которые я дал ему, в карман своего белого халата. Этим движением он как будто налил воды в костер, в котором собирался меня сжечь. Я облегченно вздохнул, взял половинку апельсина и вышел. Когда я оглянулся, то увидел, как «инквизитор» с аппетитом дожевывает другую половинку апельсина. Почему-то вспомнились его слова: «Ты представляешь, что это значит — съест солнце?»

Я поднес апельсин к носу. От его аромата у меня даже голова закружилась. Сразу захотелось вонзиться зубами в сочную оран-

жевую мякоть, как это только что сделал лавочник. Но я отогнал эти мысли и побежал домой. На трамвай у меня не было денег, да и ждать его я не мог. И времени было слишком мало, ведь дома ждала больная бабушка.

Всю дорогу меня одолевали разные мысли. Я очень любил бабушку и желал ей долгой жизни. Если она сегодня съест эту половинку апельсина, думал я, то проживет еще один день. А завтра я принесу ей целый апельсин, и тогда она проживет целых два дня. И так я буду носить ей апельсины каждый день. С другой стороны, если бабушка умрет, то все апельсины достанутся мне. В общем, в обоих случаях я ничего не теряю, но сегодня во что бы то ни стало этот апельсин должна съесть бабушка.

Наконец я дошел до своего переулка, вошел в дом и поднялся на верхний этаж. В комнате было много людей. Я почему-то сразу догадался, что опоздал. Мама плакала. Высокий мужчина в белом халате погладил меня по голове и вышел. Я стоял как остолбенелый и не знал, что делать. Потом вспомнил про половинку апельсина, которую так и держал в руке. Она стала совсем горячей и жгла ладонь. Я сел на стул, с которого только что встал доктор. Я понимал только одно. Что бабушки больше нет на этом свете. Она не дождалась меня. Я взглянул на кровать. Бабушкино лицо было покрыто простыней. Вдруг я почувствовал, что все присутствующие в комнате смотрят на меня, сидящего на стуле, уставившегося на бабушкину кровать и сжимающего в руке апельсин. И тогда я медленно поднес апельсин ко рту и откусил немного сочной мякоти. Ее вкус действительно напомнил

мне солнце. И вдруг я зарыдал. Так, рыдая, я съел весь апельсин.

Что происходило дальше, я плохо помню. Кажется, вечер я провел у дяди и даже переночевал там. Я лежал на диване и через стенку слышал, как взрослые обсуждали, где похоронить бабушку. На старом кладбище не было места. А новое располагалось довольно далеко от города. И никто не хотел хоронить бабушку там.

Перед весной туда посеяли арбузы. Кто-то вспомнил, что некоторые народы хоронят покойников прямо во дворе. Засыпая, я подумал, что, наверное, все их дворы, улицы и сады сплошь утыканы крестами.

Утро было мрачным и тягостным. Я встал с кровати, но из комнаты так и не вышел. Бабушку похоронили без меня. Мама не хотела, чтобы я увидел ее мертвой. Я смотрел в окно и думал. О том, что бабушка уже наверняка на небесах. И, возможно, уже разгуливает где-нибудь в раю среди благоухающих апельсиновых деревьев. Ей ярко светит солнце такого же апельсинового цвета. И она смотрит на него. От этих мыслей мне стало немного веселее.

Я посмотрел на небо. Солнца не было и в помине. Но я знал, что оно есть... И на него смотрит сейчас моя бабушка.

---

*Открытие бюста-памятника А.С. Пушкину
г. Бийск, 29 июня, 2018 года*

Друзья! Прекрасен наш союз...